

Уильям Шекспир**W.Shakespeare****ИЗБРАННЫЕ СОНЕТЫ***(Переводы с англ. и вариации)****Вступление***

Их Автора опередив на вечность,
он заболел Сонетами, старик,
и так не виртуально - человечно
весь Мир земной вновь
перед ним возник.

И, вспомнив далёкие лета,
увидел, услышал, узнал
он смуглую Леди Сонетов
из крымских прибрежных скал...

Сонет 1

Мы в мир приходим
свой продолжить род,
всего живого — в этом роль святая.
И роза алая для этого цветёт,
и аисты для этого летают.

А ты ежеминутно, ежечасно
напрасно тратишь, попусту губя
полученный от Бога
Дар прекрасный,
Всевышним в тебя вложенное "Я".

И твоего таланта дремлет семя
природе вопреки, но не судьбе,
не замечая, как уходит время.
И всё трудней взойти ему в тебе.

В ленивом море снов и суеты
скупец и мот одновременно ты.

Сонет 8

Ты - словно нота, что звучит одна
в своём ключе скрипичном
без аккорда,
тебе аранжировка не нужна,
кристально-чистый тон
ты держишь гордо.

Увы, отнюдь не ноты слышу я,
когда в руках певца я вижу лиру,
чьих дружных струн
счастливая семья
потомство дивных звуков
дарит миру.

А этот тон, мелодию который
ведёт один, пока не без успеха,
хоть без него

приглушеннее хоры,
угаснет сам и не оставит эха.

Так, не познав гармонии земной,
и ты бесследно в мир уйдёшь иной.

Сонет 24

Твоё вполне земное естество
моими нарисовано глазами,
в сокровищнице сердца своего
храню его я в драгоценной раме.

В ней ты запечатлён
в счастливый миг,
когда прекрасен был лицом и телом.

Однако в моём сердце
лишь твой лик,
а твоё сердце вне его предела.

И образ свой, который часть меня,
увидишь ты легко, если захочешь,
в глазах моих, как в окнах,
среди дня.

Но что увидишь в них
во мраке ночи?

Глазам при свете видеть лишь дано,
а сердцу сердце - и когда темно.

Сонет 25

Известности и славы не снискал,
судьбой другая мне дана стезя.
Для счастья моего дворец был мал,
нашёл в любви его нежданной я.

И мёд похвал, и ленты, и чины -
цветы под солнцем,
свежестью манят.

Нахмурится оно – и лишены
тепла и света, превратятся в смрад.

И полководец, в войнах закалён, -
страны и короля надёжный щит,
одну лишь битву проиграет он -
и тут же будет навсегда забыт.

А я люблю, любовь в душе моей,
ей не страшна опала королей.

Сонет 27

Устало тело, требует покоя,
ложусь я в одинокую кровать,
но не приходит сон, зову его я,
и время поворачивает вспять.

И будто мысль,
что воплотилась зримо,
вновь возникает

лик прекрасный твой,
хоть плоть твоя,
как тень, неуловима,
но кажется: ты дышишь,
как живой.

И оживает ночь, и в ней - лучи,
спят меня твои глаза из мрака,
ни сна нет мне, ни отдыха в ночи,
и нет блаженства высшего, однако.

Во мне всё переполнено тобой,
при свете - тело, дух -
во тьме ночной.

Сонет 48

Как будто здоровой мысли лишены,
в укромном месте прячем от пропажи
мы даже то, что выбросить должны,
и то, что нам порой мешает даже.

Тем более хотел бы спрятать я
живой водой питающий родник -
тебя, мой идеал, любовь моя.
И лучше сердца разве есть тайник?

Но ты, как запах, на мгновенье - тут,
повеет ветерок – и вновь ты там,
тебя украсть любой сумеет плут,
из сердца ты находишь выход сам.

Листком тебя в заброшенном саду
я спрятал бы, но как потом найду?

Сонет 54

Бессмертна лишь такая Красота,
что с сущностью своею неделима,
как в розе, даже сорванной с куста,
и даже в тёмной комнате незримой.

А брат её, красивый и колючий,
шиповник -
 всем ровня сестре своей,
он увядает медленно на круче,
к себе не привлекая взор ничей.

Не дал ему Всевышний аромата.
А роза, хоть и вянущая, всё ж
к себе влечёт, как ты меня когда-то,
на розу несравненную похож.

И пусть ты станешь немощен и стар -
в своих стихах я сохраню твой дар.

Сонет 58

Как ты проводишь дни свои,
 лишь Бог
имеет право знать и слуги ада.
А мне позволь лежать у твоих ног,
ведь, в сущности, немного мне надо.

Я вспоминаю по сто раз на дню,
кто ты? Реальность или привиденье?
И, как брильянты, в памяти храню
подле тебя счастливые мгновенья.

Хотя я добровольно поменял
твою свободу на свою темницу,
я жду тебя, как преданный вассал
ждёт милости
 возлюбленной царицы.

О тех, кто нами искренне любим,
мы знаем всё, но слепо верим им.

Сонет 66

Я знаю: есть Верховный судия,
в небесном ли,
 в земном привычном виде,
но ведома ли боль ему моя,
когда всесильный слабого обидит?

Когда в темнице Разум и Добро,
а Зло и Глупость правят, торжествуя,
глумится над невинностью Порок,
и защитить невинность не могу я.

И шут для власти выше, чем поэт,
к царям невежда, как учёный, вхож,
и мощь безумством сведена на нет,
и Нравственности Правду учит Ложь.

Зову я Смерть. Но где она - могила,
чтобы с тобой меня не разлучила?

Сонет 74

Когда меня проводишь в мир иной,
ты сохрани написанные мною
страницы, где делился я с тобой
моей печалью и моей любовью.

Не огорчайся - вся любовь моя
в моих стихах осталась без порухи,
и вместе с ней с тобой,
как прежде, я
не в брэнной плоти,
а в нетленном духе.

Истлеет труп, достанется червям,
и справят тризну сытую они.
Но лучшее в себе тебе отдам,
тебе оставляю, ты его храни!

И вечности залог моих стихов -
в Искусство огранённая Любовь.

Сонет 90

Меня ты хочешь бросить - не могу
уже остановить тебя ничем я,
но, чтоб не уподобиться врагу,
не выжидай,
не трать напрасно время.

И случая удобного не жди!
Нет хуже промедленья для разлуки.
Если уходишь, сразу уходи,
не продлевай беды моей и муки.

Пусть станешь первой ты
в ряду утрат,
судьбой мне уготовленных потерь,

Перенесу их легче во сто крат,
чем ту одну, которая теперь.

Твой вынут меч из ножен, но я жду,
промедлишь - и врасплох я попаду.

Сонет 94

Лишь тот по-настоящему силён,
кто слабого другим не даст в обиду.
И вдохновлять других способен он,
сам оставаясь равнодушным с виду.

И небеса ему благоволят,
природа сохраняет от растраты.
Он, как король, добром своим богат,
и все вокруг добром его богаты.

Но беззащитней лучшие творенья
союза сил небесных и Земли
перед обманной сладостью гниенья,
чем сорняки, растущие в пыли.

Талант Порока привлекает взор,
Порок Таланту пишет приговор.

Сонет 100

Я знаю, Муза, что лежит твой путь
скорее на земле, чем в поднебесье.
Ты божий дар пытаешься вдохнуть
в сосуд,
в котором процветает плесень.

Но оглянись и возвратись туда,
где правят бал восторг
и вдохновенье,

где отдают за красоту года
и душу заодно, без сожаленья.

В лицо любви взгляни без суеты
и, коль увидишь увяданья тени,
воспой ещё раз вечность красоты
и отними у времени мгновенье.

А если нужно для моей Любви,
то время навсегда останови.

Сонет 124

Приходит к нам любовь судьбе назло,
природе вопреки, и незаконно.
Кто любит так, тому не повезло,
любви такой недолговечно лоно.

Моя любовь, как будто из глубин,
от миротворения, от Евы.
Нет для неё ни следствий, ни причин,
ни милости, ни гнева королевы.

Она вполне обходится и без
уловок черни и "стратегий" света,
она прекрасна в убранстве принцесс,
и точно так же - в рубище одета.

Завидует такой любви Порок,
но смертью лишь её венчает Бог.

Сонет 126

О, мальчик мой, не устрасайся светил,
часы свои ты в ящик положил.
Часы идут, но, ради наслажденья,
не замечаешь стрелок ты движенья.

Хоть Время смотрит искоса порой,
природа дорожит пока тобой.
Она часов придерживает ход,
а ты летишь без удержу вперёд.

Однако мощь её не бесконечна,
ничто живое на Земле не вечно.
Всем нам Природа
предъявляет счёт
и Времени обратно отдаёт.

Сонет 127

Прекрасно, когда локон золотой
соперничает с белизною кожи.
Хотя и перси смуглые порой
взор восхищённый
привлекают тоже.

И те - глупцы, кто в праздной суете
меняют цвет белилами густыми.
Хоть белоснежны груди в декольте,
но Красота своё теряет имя.

Моя любовь, как ночь озарена,
а чернота волос и смуглость тела -
лишь траур, и по тем его она,
кто сам себя уродует, надела.

Блеск звёзд в ночи –
моей любимой очи,
он ярче дня и лучезарней ночи.

Сонет 128

Касались клавиш пальцы, извлекая
из каждой только ей присущий звук.
И думал я, что музыка такая
в раю безгрешный услаждает слух.

Я ревновал тебя немного к ним,
блестящим, полированным и грубым,
и представлял, что пальчики твои -
не клавиши - мои встречали губы.

Они могли бы клавишами стать
и, повинаясь пальчикам игривым,
их в паузах ласкать и целовать
и нежные нащёптывать мотивы.

Прошу тебя: беду мою поправь -
моим губам мизинчик хоть оставь!

Сонет 129

У похоти - не твёрдая цена,
для каждого своя, но я жалею,
что не за похоть платится она,
а за Любовь, обманутую ею.

Не в кошельке, а в сердце пустота,
и разума глухие лабиринты,
и непреодолимая черта,
и круг, в котором в центре,
но один ты.

Ты - парусник, а похоть - ураган,
подхватит - и летишь, куда попало.
От скорости ты, как от джина, пьян,
разбившись –
проклинаешь только скалы.

Мы на веку яд принимаем дважды:
в конце - от жизни, первый раз -
от жажды.

Сонет 130

Глаза её, как солнце в облаках,
кораллы ярче её красных губ,
грудь белоснежной
не назвать никак,
и волос, словно проволока, груб.

Оттенок щёк любимой
вряд ли может
напомнить цвет
дамасских алых роз,
и запах тела не обманет тоже
привыкший к тонким ароматам нос.

Хотя речам её внимать я рад,
но музыка ласкает слух нежней,
и пусть богини над землёй парят -
ступает моя милая по ней.

И всё же не уступит,
клянусь честью,
она оболганным
неискреннею лестью!

«Квазиподстрочник»

Быть может, оно за тучей,
но нет солнца в её глазах,
а на губах её красных
нет свежести яркой коралла,
и если волосы считать проволокой,
то голова её в чёрных витках,
и если снег белый, почему тогда
тёмная краска груди её рисовала?
Я видел,
как дамасская роза цветёт,
но на щеках её

роз я ни алых не вижу, ни белых,
и много запахов есть
приятней, чем тот,
по которому я узнаю
моей женщины тело.
Я также люблю её голос
не потому, что не знаю,
сколь мелодичней звучит
колокольчик во мгле,
и признаюсь: я не видел,
как над землёю богини летают,
но не может моя госпожа,
когда ходит, не ступать по земле.
И всё же, оболганной
фальшивым сравнением, любой
она не уступит,
Небом клянусь и Землёй.

Вариации

А

В глазах любимой
солнце лишь ночует,
и губы на кораллы не похожи,
и волосы - не шёлковые струи,
и снег белее её смуглой кожи.

И розы на щеках её не зреют,
и поступь - тоже не из тех, которой
прельстить способна женщина за нею
идущих вслед поэтов и героев.

И голос моей милой не сравним
по красоте со скрипкой и кларнетом,
и пахнет она запахом своим -
не самым лучшим запахом при этом.

Но всем,
в сравнениях на богинь похожим,
она нисколько не уступит всё же.

Б

В глазах моей любимой я не стал
искать бы звёзды, в голосе - свирели.
Хочу, чтоб голос для меня звучал,
глаза бы - только на меня смотрели.

Оттенок щёк её напоминает мало
цвет лепестков дамасских свежих роз.
И вряд ли губы мог бы я с кораллом
и с шёлком прядь сравнить её волос.

Её походку - с поступью богинь
и запах - с ароматами Эдема.
По мне - пускай хоть пахнет,
как полынь,
и ходит по земле она, как все мы.

Ведь в мире есть она одна такая -
хвалою не оболгана, земная!

В

Сравнить с кораллом
губ оттенок алый,
и щёки её - с розой не смогу я,
в глазах любимой темнота густая,
звезду в них трудно отыскать ночную.

И цвет её открытых смуглых плеч
куда темнее белоснежной глади,
и никого осанкою привлечь
она бы не могла на маскараде.

И голос её с песней не сравним,
и волосы - не шёлковые тоже,
и пахнет она запахом своим,
своим дыханьем и своею кожей.

Однако все, обогланные лестью,
её не лучше, в том клянусь я честью!

*Палинодия **

В её глазах я видел звёздный свет
и слышал в её голосе свирели,
когда уста мне говорили "нет"
и на других глаза её смотрели.

Мне губы её издали казались
бутонами дамасских алых роз,
и на ветру,
как крылья, простирались
над нею пряди чёрные волос.

А персей её смуглые овалы,
подобные языческим богам!
Хоть наяву не видел, но, бывало,
их видел я во сне и по ночам.

И больше я увидел бы едва ли,
если б уста мне сразу "да" сказали.

**обратная песнь (греч.)*

Сонет 131

Как красоте твоей не соразмерна
жестокостью своею ты порой.
Когда б любил тебя не так, наверно,
и ты была со мною бы другой.

Хотя небелоснежным цветом кожи
и волосами чёрными, как смоль,
привлечь к себе не всякого
ты можешь,
но мне любить такой тебя позволь!

И безразлично мне чужое мнение,
что многие прекраснее, чем ты,
из множества причин
для поклоненья
любовь всегда главнее красоты.

Беда лишь в том, что цветом твоя кожа
с поступками твоими очень схожа.

Сонет 132

Я глаз и сердца чувствую разлад:
глаза сердечны, в сердце -
холод грота.

Они с тоскою на меня глядят,
к моей печали добавляя что-то.

Тебя сравню я с солнцем
на рассвете,
со звёздами вечернею порой,
хоть знаю,
что бледны сравненья эти -
так лик твой красит
взор печальный твой.

О, если б также сердцу ты могла
придать печали траурные тоны,
моя душа покой бы обрела,
а Красота бы - черноты законы.

И Красотой, которой выше нет,
стал бы отныне только чёрный цвет.

Сонет 137

Оттенки различающий цветов,
любовью одурманенный, однако,
я чёрное за белое готов
принять и якорь бросить
в бухте Мрака,

где побывали многие суда
и ныне трутся ржавыми бортами.
Любовь свои швартовы иногда
бросает, не советуясь с глазами.

И кажется мне гнёздышком притон,
в котором сладострастье
губит души.

Но станет добродетельней ли он,
когда Любовь его покой нарушит?

Поманит ложь - и властвует она,
глазам и сердцу карю дана.

Сонет 138

Неопытным меня не назовёшь,
но верил ей, не только делал вид,
когда за правду принимал я ложь,
что только мне она принадлежит.

И так же точно верила она
тому, что говорил ей о себе я.
Была обоим правда не нужна,
мы были оба правды той слабее.

Свои скрывал я от неё лета,
меня она обманывала тоже,
нам этой лжи незримая черта
была всех истин на Земле дороже.

И были мы подобны лицедеям.
...Услышать "бис",
однако, не успеем.

Сонет 140

Кто в нелюбви жестокость бы сумел
преодолеть, оправдан был бы Небом.
И моего терпения предел -
молю тебя, чтоб он достигнут не был.

Будь мудрой и хотя бы обмани,
как врач больного
на смертельном ложе.
Во мне остаток веры сохранив,
себя, быть может, сбережешь ты тоже.

Или отчаянье моё хулу найдёт,
злословие - и рты свои, и уши.
Так притворись,
дай шанс мне, хоть бы тот,
сама который тут же и порушишь.

И если есть спасение во лжи,
мне эту ложь как правду одолжи.

Сонет 141

Нет, для меня не тем ты хороша,
что видит взор твою земную прелесть.
Тобою бредит сердце, а душа,
напротив, ропщет,
в рай попасть надеясь.

Не голос твой мне голову вскружил
и думаю, что не изгибы тела,
и не скажу, что твой характер мил,
и доброта не ведает предела.

Но чувства все и доводы ума
уже над сердцем
 властвовать не могут.
В темнице оно заперто, сама
ты выбросила ключ в глубокий омут.

И казнь, как милость, я принять готов,
коль будет палачом моим Любовь!

Сонет 144

Над мною властны две любви,
 что были
всем для меня, моим добром и злом —
та женщина, которую любил я,
мужчина, с кем мне было так светло.

Но вот его в себя вбирает мрак,
хозяйка ада разжигает печи,
не друг уже он мне, хоть и не враг,
и они оба от меня далеке.

В её тенетах липких дышит он
не воздухом - порока душным газом,
покинут я. Я, может быть, смешон,
всего, чем дорожил,
лишившись сразу.

Одна осталась в жизни мне отрада -
дождаться друга моего из ада!

Сонет 147

Любовь моя - как странная болезнь,
она боготворит свою причину.
И каждый новый начинаю день
я с мыслями о той, кем был покинут.

Рассудку вылечить болезнь невмочь,
Ему – ни уважения, ни чести,
он лишь во сне ко мне приходит.
Ночь
кончается со сном разумным вместе.

И нет врача, чтоб вылечить любовь,
измученную, сирую, слепую
беду мою. И, как дурную кровь,
пустить её из жил напропалую.

Тону я, словно парусник без дна.
Как мрак ночной,
 болезнь моя черна.

Сонет 154

На берегу, в забавах утомлѣн,
зажѣнный факел
положив под иву,
уснул неосторожно купидон,
а нимфы рядом бегали игриво.

Похитив символ страсти, у ручья
играли с ним, не ведая печали.
Но меньше я не мог любить тебя
и больше - также мог уже едва ли.

Когда же наступили холода,
одна из нимф
в ручей заледенелый
горящий факел бросила. Вода
в нём, согревая землю, закипела.

Но никогда водой своей ручей
не охладит любви к тебе моей.

Sonnet 155 ("in tutto"*)

Когда чередой проходили зимы,
меня ночей не мучила прохлада -
мне не хватало звёзд
в глазах любимой
и тёплой влаги дружеского взгляда.

Явления их подобны были тучам,
и плыли голоса осенней шугой.
А мне был нужен только
тонкий лучик
из глаз любимой и из сердца друга.

Но где-то, для ума непостижимо,
в том мире,
где и счёт иной, и числа,
лучи их всё же скрещивались мимо
судьбы моей, и времени, и смысла...

*итого (с итальянского)

Заключение

Распутав кое-где суждений нить,
слегка смешав середины и начала,
хотел бы переводы подарить
я Автору стихов-оригиналов.

Чтобы натуру с копией сравнив,
он дал бы знать из неоглядной дали -
сумел ли тот я сохранить мотив,
с каким они в его устах звучали.

Покорность, Власть,
Жестокость, Человечность,
Добро и Зло,
Мгновение и Вечность.

Как в мире всё устроено, однако,
незыблемо, изменчиво, двояко...

Уильям Оден

W.H.AUDEN

(с английского)

Праурный блюз

Остановите часы,
выключите телефон,
псу прикажите, чтобы не лаял он.
И под глухой барабанный бой
пусть гроб выносят
плакальщики толпой.

Пусть самолёты
на траурных небесах
пишут о том, что он умер
и превратится в прах,
полисмен перчаткою укажет:
"остановись",
белые голуби с чёрными лентами
взмоют ввысь.

Он был мой Север, Запад,
Восток и Юг,
неделя работы и воскресный досуг,
моя речь и песня,
мой рассвет и закат.
Я думал: любовь будет вечной,
увы, я ошибся, брат.

Не нужно звёзд -
мне мерцанье противно их,
и луну, и солнце -
уберите же с глаз моих.

моря осушите,
с деревьев сорвите кору,
не быть на свете уже никогда добру!

Ночная почта

1

В тёплых постелях спящие,
вы видите сны, не зная,
что через болота и чащи
скачет почта ночная.

Чеки богатым и бедным,
книги с доставкой на дом,
письма любовные женщинам,
где-то живущим рядом.

Поздравленья, послания,
извещенья о смерти
приходят без опоздания
по адресу на конверте.

Сторожевые собаки
везде на её пути
пытаются лаять, однако,
лишь лапами могут скрести.

И тишина воцаряется
за почтой вослед во мгле,
и трава поднимается,
прибитая ветром к земле.

И журавлиная стая
и днём, и всю ночь до рассвета,
глаз с неё не спуская,
за почтовой летит каретой.

Она скользит мимо спален,
что безмятежно спят,
и лишь бокалы хрустальные
нежно в ночи звенят.

2

Вместе с зарёю из облаков
почта с холма спускается прямо
в рёв выпускающих пар котлов,
к лязгу станков и подъёмных кранов.

Глазго -

как доска гигантского шахматиста,
вся Шотландия - и в горных селениях,
и на озёрах, глубоких и чистых,
ночную почту ждёт с нетерпением.

3

В мешках и сумках почтовых
тысячи и миллионы
писем из банков столичных,
писем из касс больничных,
с рекламой товаров новых,
с восторгами юных влюблённых,
и просто - с "будьте здоровы".
Конвертов и упаковок
с оценками ситуаций,
биржевых котировок,
Объединённых Наций...
С фотоплёнками для печати
в масштабе настенных портретов,
со стихами домашних поэтов
к знаменательной дате.
Письма с доставкой скорой
тётушкам, внукам, кузинам,
на Север в Шотландские горы,
на Юг - Шотландским долинам.
Чернилами разноцветными

написанные вкривь и вкось,
с вопросами и ответами,
верными и "на авось",
на листах с особыми знаками
и оторванными кое-как,
бестолковые, мудрые, всякие,
обстоятельно и впопыхах,
официальные и с улыбками,
из больших городов и глуши,
с грамматическими ошибками,
но, как исповеди души.

4

Дружеские чаепития
и фантастических монстров,
всяческие картины
разнообразных снов
видят спящие жители
рабочих кварталов Глазго,
гранитного Эбердина
и эдинбургских дворцов.

И, если в закрытые двери
не постучат почтальоны,
в своих городах и сёлах
проснутся люди в тревоге.
Но никто не забыт, поверьте -
ночная почта в дороге,
и, все миновав кордоны,
звенит колокольчик весёлый.

***О, скажите мне правду
о любви***

Говорят, что подобна
Любовь малышу,
а другие - похожа на птицу,

что весь мир заставляет кружиться.
Столько мнений - кого ни спрошу.
Я мужчину спросил
из соседнего дома,
он женат и, по-моему, знает.
Но сказала: любви не бывает
мне жена его сразу весомо.

Или на привычную
она похожа пижаму,
на жирную пищу
в безалкогольном отеле,
на обманчивый запах,
слышимый еле,
или, быть может,
напоминающий ламу.
Она способна шипами
изранить в кровь
или мягкая, словно пух гагары,
гладкая, как ковёр,
изношенный, старый.
О, скажите мне,
что же такое Любовь?

Книги по истории без пиетета
упоминают о любви мимоходом.
Трансатлантическим пароходам
гораздо больше известно об этом.
И в каракулях на обороте листов
путеводителей железных дорог
её следы отыскать я мог,
и в суицидах
иногда виновата Любовь.

Или она устремляется вдаль
с воем и лаем овчарки. Порою
может по звуку сравниться с пилою
или звучит, как концертный рояль.

Или военных оркестров рёв
в ней сочетаем
с классической гаммой.
Скажите мне откровенно и прямо,
о, скажите мне,
что же такое Любовь?

Я повсюду искал её:
в летних хижинах
и на Темзе,
в речной непорочной дали,
и в струнах
канатной Брайтонской стали.
Но нигде её не было видно.
Я не знаю, о чём чёрные птицы поют
и о чём говорят тюльпаны.
Но ни в голубятне, ни под диваном
не нашёл я Любовь,
не нашёл - и всё тут!

Любовь может притвориться
несчастной и жалкой,
как будто её тошнит на качелях,
или с утра до вечера всю неделю
она мчалась на скачках
или прыгала со скакалкой.
А в сказках о ней больше
пошлых или прекрасных слов,
и золото для неё -
прах или свет в окне,
и думает ли она о Родине, о стране.
О, скажите мне,
что же такое Любовь?

Постучит ли она в мою дверь
на рассвете
или нахально отдавит мне ногу
в автобусе,

или в неведомой точке на глобусе
у самолётного трапа
улыбкою встретит?
Придёт ли она
с изменением розы ветров
с сурового Севера
иль с благодатного Юга,
изменит ли жизнь мою,
вырвав из прежнего круга?
О, скажите мне,
что же такое Любовь?

Мы - опоздавшие

Часы не смогут, не скажут,
что с нами случиться должно,
пока не подвластно нам даже
хотя бы мгновенье одно.

Почему в настоящем - крылатое,
прошедшее время - как глыба.
О, если бы римскую статую
об этом спросить мы могли бы.

Но спрашивай или не спрашивай -
пока не устанешь жить,
не будешь, подобно статуе,
лавровый венок носить.

А что происходит с живущими,
когда в мир мы уходим иной,
у смерти не спрашивай лучше.
И мы не узнаем с тобой.

Двое

Если ты - город,
мы - курантов башенных ход
и стража у выбитых в камне ворот.
Мы - то же, что ты, но другое.
Пусть нас ты не видишь воочью,
мы рядом и утром, и ночью.
Нас - двое.

Бесполезно спрашивать
у мудрецов,
что случится с теми,
кто веру отвергнет отцов,
и с теми, кто сохранить её сможет.
Мы - грёзы ночные,
дневные заботы - мы,
и, если ты рифами станешь
и гротами,
мы тоже станем
с кораллами схожи.

Мы курлыкаем журавлями
и учим морские слова,
когда ты,
птичьи покинувший острова,
возвращаешься из походов дальних.
И слушаем твои рассказы
о самых лучших
мгновениях жизни минувшей
и - самых печальных.

И не обманывайся: мы не знаем,
мы не знаем разницы
между адом и раем,
между мигом одним и столетьем.
Но верь тому, что мы говорим,
чему тебя научить хотим -
не танцуй со смертью.

Мы пугаемся, когда ты падаешь,
и за садовою ищем оградой,
и, если жарко,
мы тебя овеваем прохладой.
Хотя от времени спасения нету.
И, когда небо становится
тёмным пятном,
и туча приходит,
чтоб выпасть дождём,
разве он нужен рассвету?

С зелёного поля ты собираешь
щедроты господние,
но оказывается,
что есть земля плодороднее.
В жизни такое случается часто.
И видишь,
как вдруг позади стеною
лес вырастает волна за волною,
и надвигается неумолимая чаща.

И хотя ещё сердце
еле слышно стучит,
уже чёрный фургон
за окном стоит.
Не к тебе ли по вызову на дом?
И мозг озаряется
и проясняется вроде...
Входит женщина в чёрном,
и патолого- входит анатом.

Это может случиться
в любой день недели,
на работе, в вагоне метро
и в постели -
отрешись же от мыслей
суетных своих.

Заведи часы, посмотри кругом,
чтобы был в порядке и сам ты,
и дом.

Помни о нас двоих.

Артюр Рембо

ARTHUR RIMBAUD

(с французского)

Пьяный корабль

Меня уносило течение
необозримой реки,
свободного от команды,
оставшейся на берегу.

Одних краснокожие
в упор перебили стрелки,
другие живыми достались
добычей врагу.

И груз в моём трюме:
зерно и английская пряжа
также пришёлся по вкусу
крикливым стрелкам.

И, пока дикари плясали
вокруг моего экипажа,
теченье меня повернуло,
и к устью я двинулся сам.

Хотя река на камни бросала меня,
не жалея,
однажды ночью глухой,
как мозги дикарей,
из кудрявых протоков своих
и бесчисленных мелей
отпустила в открытое море
без компаса и якорей.

И десять ночей безлунных,
и серых рассветов десять
я танцевал на волнах,
как пробковый плот, невесом,
и не жалел о глупом,
о тусклом фонарном свете.
И грозы меня встречали,
и приветствовал гром.

Как сладкий сок ананаса,
борта омывали волны,
и всё, что не пахло морем,
шторма уносили прочь,
и я, без руля и кия,
и пеной по горло полный,
не замечал, как на смену заре
приходила ночь.

Но я не тонул в купели
морского бездонного лона,
в зелёной его лазури
и в месиве волн седом,
без алкоголя пьяный,
в бескрайнюю даль влюблённый,
неотличимый от моря,
как будто родился в нём.

Хотя с безмятежной негой
чередовались кануны
безумий, что были крепче,
чем градусы рома в крови,
и была беспомощна лира,
перебивавшая струны,
и бесполезны поэмы
о ненависти и любви,

и, если случалось смерчем мне быть,
словно щепка, пленённым,

я видел то, что людям
лишь в снах их увидеть дано:
рассветы, восторженные,
как голубиные гоны,
молнии,
вонзающиеся в обнажённое дно.

И низкое солнце,
разрезанное пополам,
я видел сквозь фиолетовые
зубцы бурунов,
и львиноподобные гривы
актёров греческих драм
на плечах из прошлого
бегущих валов.

И, как в ночах изумрудных
серебристыми косами
струились прибои
извивающихся берегов,
и обнимались медведицы
с ледяными утёсами,
и орошали их соками
отяжелевших сосцов.

И в небе я видел
лик девы святой Марии
над взбесившимся океаном
и вершинами гор,
и мне казалось: не волны,
а стада в истерии
убегали от оводов
и лая собачьих свор.

Я видел не только это,
я видел, как дуги радуг
врезались в тугие груди
целующих небо морей,

и на границе зыбкой
между эдемом и адом -
картины из глаз пантерьих
и кожи цветных людей.

В бродящих, гнилых болотах
я видел левиафанов,
жующих без аппетита
колючие тростники,
падение вод я видел и,
как фонтаном,
они устремлялись в небо,
тяжести вопреки.

Бездны, залитые солнцем,
и перламутровых гуннов,
и с медных небес текущий
янтарный, как мёд, елей,
и допотопных ящеров
в мелководных лагунах,
и пахнущие духами
деревья в объятиях змей.

И память об этом,
виденном наяву и во сне,
о красном, жёлтом,
оранжевом и голубом,
детям трущоб и хижин
хотелось оставить мне,
когда я был пьяным,
неприкаянным кораблём.

И. смертельно уставшему
от чехарды полюсов,
северных злых сияний
и тропических ливней,
мне в грохоте слышались хоры
ангельских голосов

и неразборчивый лепет
ещё не рождённых жизнью.

А иногда, словно остров,
помётом палубу пачкая,
белоглазые птицы
ссорились надо мной,
и на маршрутах,
по картам не обозначенным,
мимо меня утопленники
скользили вперёд спиной.

Холодным фосфором
к скалам меня притягивал свет,
и бури в эфир бросали
до самых его высот,
и мой опьяневший,
обглоданный морем скелет
не спас бы уже
даже весь королевский флот.

И, дырявивший небо,
как простой потолок,
сожжённый пламенем
ненасытных печей,
я лишайники солнца
лишь для поэтов берег
и коростой лазури
следы окаймлял ночей.

И в ультрамариновом свете
электрических лун
я был доской, запряжённой
парой морских коньков,
когда июль с размаха
тупой опускал колун
на небо и всё, что под небом,
рождалось вновь.

И - дрожавший, слышавший
стон бегемотов за тридцать лье,
вязнущих в течках,
и неподвижных, как скалы,
я жалел о Франции
от Ла-Манша до Монпелье,
Старой Европе
и древних её причалах.

И созвездия неба,
и случайные острова
были доступны мне,
ушедшему в беспредел.
Ответь же мне, Сила, грядущая:
- Ты жива
в миллионах огненных птиц
и неугомонных тел?

А может, напрасно я плакал,
и слишком часто и много
меня удручали звёзды,
и солнце, и луны все,
и любовь во всём виновата была,
и ещё - дорога,
по которой к причалу
спускался я по росе?

И, если о водах Европы
я вспоминал, то в лужице,
когда в сумерках,
мечтая о далёкой звезде,
грустный ребёнок
кораблик пускает, и кружится,
и тонет кораблик, как бабочка,
в чёрной холодной воде.

И я не могу, о, волны,
заколдованный вашей истомой,

идти по путям,
на которые торговый зовёт азарт,
в кильватерах медленных барок
и неуклюжих паромов,
под оком плавучих доков
и линий лоцманских карт.

Леа Гольдберг

(с иврита)

Сонет

Из наших окон виден тот же сад,
зелёная калитка и забор,
и тот же самый чёрный виноград,
и над забором - очертанья гор.

И гравий на дорожках, и роса,
мерцающая в лунном серебре,
и даже те же птичьи голоса
мы слышим, просыпаясь на заре.

И старая сосна твоим глазам
не старой вовсе кажется, и - мне.
Вполне возможно приглянулась нам
одна и та же шишка на сосне.

И к этим окнам мы почти всю жизнь
из разных стран шли и чужих сторон,
и если не зашторены они,
и наших глаз лучи пересеклись,

то почему сердца не в унисон,
и так мы в одиночествах одни?!

Сонет

Что остаётся? Пепел слов,
собой сжигающих сердца,
боль без начала и конца,
гора исписанных листов.

Печаль разлуки - между строк.
И зайчик солнечный - в руке,
и призрак замка на песке,
и рябью тронутый песок.

Мечты, уставшие витать,
звук потерявшая струна...
И кто поверит, что волна
и ветер встретятся опять?

И что, как рыба, человек
быть может выброшен на берег,
с которого спасенья нет,
что в темноту стремится век.

Не хочется мне в это верить,
а верить — в детский смех и свет!

Сонет

Я знаю, что судьбе назло,
не по закону это счастье
и это свадебное платье.
Мне б лучше рубище пошло.

Когда и счастье, и беда
друг друга к пропасти толкают,
их сантиметры разделяют
и "нет", похожее на "да".

И годы надо мной хохочут,
ведь видят лучше всех они,
как в странных снах
проходят ночи
и в суете проходят дни.

Хотя порой я наблюдаю,
как птицы кружат надо мной.
И что чернилами сухими
законы пишутся, я знаю.

И сердце - как сосуд с водой –
верней, с обидами моими.

Мой город

Тогда ещё пахнул бездонной
морской глубиной он
под створками раковин
на пляжах своих городских.
Полуденным зноем
на апельсиновых корках настоян,
был этот запах
сильнее наркоза и чар колдовских.

Сотни бликов играли
на глади морской,
и беспечные волны порою
с ветрами играли,
берега ждали влаги,
юность жаждала страсти земной,
но венчались на царство
только скорби его и печали.

О, белый мой город, город Алеф,
единственный мой,
на зелёной волне исчезает
в дали голубой.

Быть может...

Весна вернулась в город наш,
и почки уже лопаются где-то,
и ты по переулкам тёмным
бродишь.

Я знала это.
Я забыла это.

От тех давным-давно
прошедших лет
на тротуарах жёлтых пятен свет -
цепочкою следов из темноты.
Быть может, я забыла –
вспомни ты.

Я песню в сердце принесу туда,
где ты - сейчас или ступал тогда.
Я думала, что умер тот мотив,
но, может быть, не умер он, а жив.

Хотя не надо, не стучи в окно,
я не услышу стука всё равно.
Быть может, осень
 сердце мне тревожит,
остатки листьев
 дождь срывает с веток,
ты, одинокий,
 в переулках бродишь...

Я знала это.
Я забыла это.

Натан Йонатан*(вариации с иврита)***Если мир – это море**

1

Если мир - это море,
ручьи и реки к нему текут.
Если мир - это берег,
волны печали о берег бьют.

2

В море, если мир - это море,
находится место любому ручью.
В прибое, если мир - это берег,
оставляют волны печаль свою.
В небе, если мир - это солнце,
и туча может вспыхнуть огнём.
Берег - для моря,
 для неба - солнце,
мир - для каждого сущего в нём!

3

Если мир - это море,
все реки земные
и страсти людские
в море впадают.
Если мир - это берег,
печали людские
и волны морские
его разрушают.
Если мир - это небо,
но чёрная туча на нём,
о тебе,
о единственной в мире, мечтаю:
чтобы тучу пролила дождём!

4

Если мир - это море,
все реки берега в море текут,
если мир - это берег,
все волны моря о берег бьют,
берег скалистый, морские дали,
реки радости, волны печали...

Изи Харик*(с идиша)*

★

Печальные старцы
 местечкового тихого "рая"
с бородами седыми
 уходят за временем следом,
"еврейское счастье" своё
 с собой забирая.
Я прощаюсь с моим
 умирающим дедом.

Ну, что ж, уносите,
 последние деды,
вековечную боль ваших
 хижин убогих,
обиды, заботы,
 страдания, беды
и все тупиковые ваши дороги.

Вы в новое время
 входили, как тени,
чужие ему балагулы и ребе,
но всё же с надеждой
 глядите на небо,
на нас, своих внуков,
 однако, с сомнением.

О чём вы спросить бы
 у Неба хотели,

вам Небо не скажет,
и мы - не посмеем:
останемся ль мы, ваши внуки,
евреями?..
Прости меня, дед мой,
на смертной постели.

Рабби Нахман **из Брацлава**

(с иврита)

Мост ***«Гешер цар меод»***

Мир, как пропасть, пред тобою,
каждый шаг не прост.
Переброшен через пропасть
очень узкий мост.
От рожденья путь единый
до небесных врат,
коль дошёл до середины,
не смотри назад.
Сердце стукнет, страшной станет
пропасть под мостом,
и душа твоя растает
в небе голубом.
Обернётся тёмной бездной
солнечная высь,
и куда-то мост исчезнет –
только оглянись.

Нафтали Герц Имбер

(с иврита)

Атиква. Гимн Израиля.

Пока в еврейских сердцах
свободы бьётся огонь,

и наяву, и в снах
тебя мы видим, СИОН.
Надежда не пропадёт,
пока мы её храним.
Две тысячи лет нас ждёт
СИОН – ИЕРУСАЛИМ.
Мы верим: наступит срок –
из всех четырёх сторон
и тысячами дорог
к тебе мы придём, СИОН.
Еврейская кровь – Гольфстрим.
Был каждый не раз убит.
СИОН – ИЕРУСАЛИМ
на боли нашей стоит.
И эта еврейская боль,
народ закалив в веках,
поднимет «лаван вз кахоль»,
СИОН, на твоих ветрах.
Мы станем к плечу плечом,
врагам вопреки своим,
и, обрета наш ДОМ,
мы не поступимся им!

Постскриптум

Красотой своего языка
он стремится пленить твой стих,
он товарищ твой, не слуга -
переводчик стихов твоих.
Смысл написанных в столбик слов,
междустроичиев тайный код
языком своих детских снов
воплощает он в перевод,
в океаны мелодий иных...
Если даже его строка
для тебя - как пиратский флаг,
он соперник твой, но не враг.
Он - посол твоего языка,
он - посол языков земных!